

Братья Гримм

Старый Гильдебранд

Жили-были когда-то крестьянин с крестьянкой, и приглянулась крестьянка сельскому попу; очень ему хотелось провести с той крестьянкой весь день в свое удовольствие, той этого тоже хотелось.

Ну, вот и говорит он раз крестьянке:

— Послушай, милая моя крестьянка, я теперь кое-что надумал, как нам с тобой вместе весь день провести в полном удовольствии. Знаешь что, ложись-ка ты в постель в ночь под среду да скажи своему муженьку, будто ты заболела, да только жалуйся и стони покрепче и делай этак до самого воскресенья, когда я проповедь читаю. А я скажу в своей проповеди, что ежели у кого в доме есть больной ребенок, или больной муж, или больная жена, или отец болен, мать больна, или сестра, брат или кто другой из семьи, пускай тот отправится на богомолье на гору Геккерли в Вёлишланд, где можно за один крейцер купить целую осьмину лаврового листа, и тотчас у того выздоровеет больной ребенок, больной муж и жена больная, больной отец, больная мать, больная сестра или кто другой из семьи.

— Я так и сделаю, — сказала на это крестьянка.

Ну, после того под среду улеглась она в постель и стала на болезнь жаловаться, как никогда еще не жаловалась, и муж делал с ней все, что только знал, но ничто не помогало. Вот наступило воскресенье, а крестьянка и говорит:

— Мне так неможется, словно смерть моя подходит, и одного б мне хотелось перед своей кончиной — это послушать проповедь нашего господина пастора, которую он будет нынче читать.

— Ох, дитя мое, — сказал на это крестьянин, — не делай ты этого, а то может сделаться тебе еще хуже, ежели ты подымешься. Знаешь что, пойду-ка я на проповедь сам, внимательно ее выслушаю и все тебе перескажу, что скажет господин пастор.

— Ну, — сказала крестьянка, — ступай уж ты, но слушай внимательно и расскажешь мне все, что слышал.

Вот пошел крестьянин на проповедь; начал господин пастор читать проповедь и говорят:

— И ежели у кого имеется в доме больной ребенок или больной муж, больная жена или отец болен, мать больна или сестра, брат или кто другой из семьи, то пусть отправится тот на богомолье на гору Геккерли в Вёлишланд, где можно за один крейцер купить целую осьмину лаврового листа, — и тотчас выздоровеет у того больной ребенок, больной муж, больная жена, больной отец, больная мать, больная сестра, брат или кто другой из семьи; и кто пожелает предпринять такое странствие, должен после окончания мессы прийти ко мне, и я дам тому мешок для лаврового листа и крейцер.

Никто так не обрадовался, услышав это, как крестьянин. После окончания мессы направился он тотчас к попу, и тот дал ему мешок для лаврового листа и крейцер. Вернулся крестьянин домой и только вошел в двери, да как закричит:

— Хе-хе, милая женушка, теперь уж считай, что ты выздоровела! Господин пастор сказал нынче в проповеди, что ежели у кого в доме имеется больной ребенок или больной муж, больная жена, отец болен или больна мать, больна сестра, брат или кто другой из семьи и ежели тот отправится на богомолье на гору Геккерли в Вёлишланд, где целая осьмина лаврового листа стоит один крейцер, то выздоровеет у того больной ребенок, больной муж, больная жена, больной отец, больная мать, больная сестра, брат или кто другой из семьи. Я уж получил от господина пастора и мешок для лаврового листа и крейцер и сейчас же отправляюсь в дорогу, чтоб ты поскорей выздоровела.

И он ушел из дому. Но только он ушел, поднялась тотчас крестьянка с постели, и поп был уже тут как тут. Но теперь мы оставим их вдвоем, а сами пойдем вместе с крестьянином. Между тем он уже далеко отошел, чтоб поскорее взобраться на гору Геккерли; вот идет он, торопится и встречает на пути своего кума. А был его кум торговец яйцами и возвращался как раз с рынка, где продал

яйца.

— Здорово! — говорит ему кум. — Куда это ты, куманек, так торопишься?

— Да вот, кум, во святые места, — отвечает крестьянин, — жена у меня заболела, а слышал я нынче в проповеди господина пастора, что ежели у кого в доме имеется больной ребенок или больной муж, больная жена, больной отец, больная мать, сестра больная, брат или кто другой из семьи, то пусть тот отправится на богомолье на гору Геккерли в Вёлишланд, где целая осьмина лаврового листа стоит один крейцер, — и выздоровеет у того враз больной ребенок, больной муж, больная жена, больной отец, больная мать, сестра больная, брат или кто другой из семьи; вот и взял я у господина пастора мешок для лаврового листа и крейцер и иду теперь на богомолье.

— Но послушай, куманек, — говорит кум крестьянину, — неужто ты такой простофиля, что всему этому поверил? Знаешь, в чем дело? Да ведь попу охота провести с твоей женой весь день вдвоем в полное свое удовольствие, потому они тебя и окопачили, чтоб ты им не мешал.

— Да что ты? — сказал крестьянин. — Хотел бы я проверить, правда ли это.

— Ну, — сказал кум, — знаешь что, садись-ка ты ко мне в корзину от яиц, а я тебя домой отнесу, и ты все сам увидишь.

Сказано — сделано; посадил кум крестьянина к себе в корзину и принес его домой. Как пришли они домой — го-го, как там весело было! Зарезала крестьянка почти все, что у ней во дворе находилось, напекла пышек, и поп уже был тут как тут и притащил с собой скрипку. Постучался кум в дверь; спрашивает крестьянка, кто там такой.

— Кума, да это я, — говорит кум, — пустите меня нынче на ночлег, яиц-то я на рынке нынче не продал, приходится мне их домой тащить, а они-то ведь очень тяжелые, мне их не донести, да и на дворе уже темень какая.

— Да, куманек, — говорит крестьянка, — пришли вы что-то не во-время.

Ну, ничего не поделаешь, входите, забирайтесь на печь, на лежанку подальше.

Вот забрался кум со своею корзиной на печь; а поп и крестьянка были уже навеселе.

Вот поп и говорит:

— Слушай, голубушка, ты ведь умеешь петь так хорошо; спой-ка мне что-нибудь.

— Ах, — говорит крестьянка, — петь я уж теперь разучилась, вот в молодые годы умела я петь хорошо, а теперь это прошло.

— Э, да спой, — говорит снова поп, — хоть немножко.

И начала крестьянка петь:

Я муженька, однако, ловко отослала

На гору Геккерли, теперь одна осталась.

А тут и поп за нею запел:

И хорошо б ему там целый год остаться,

Да все с мешком по Геккерли бы шляться.

Аллилуйя!

А там на печке и кум запел себе тоже (надо сказать вам, что звали крестьянина Гильдебрандом), затянул он песенку:

Гильдебранд, любезный мой,

Что ж забрался ты на печку, дорогой?

Аллилуйя!

А там запел и крестьянин в корзине:

Таких я песенок не в силах больше вынести,

Хочу скорее из корзины вылезть.

Вылезает он из корзины и начинает попа бить, колотить; и прогнал его так из дому.